Андрей Десницкий

Приключения Библии в России

Андрей Десницкий

Приключения Библии в России

Можно ли понять Достоевского или Толстого, не зная библейских сюжетов? Или «Троицу» Рублева, или «Явление Христа народу» Иванова?

Кажется, что Библия в нашей стране была всегда. Но…какая? Церковнославянская или русская? А в какой именно редакции и в чьем переводе? Неужели она не одна, русская Библия? И возникла не сразу – может ли такое быть?

Именно так оно и было. По приключениям Библии в России можно изучать особенности нашей истории, культуры и религиозной жизни. В этой серии очерков я собрал лишь некоторые наиболее интересные факты и поделился собственным опытом.

Вообще-то о Библии в России можно было написать роман или энциклопедический словарь, но надо же с чего-то начинать! Итак – знакомьтесь.

1. Поп Упырь Лихой

Кто же из филологов-славистов не знает попа Упыря Лихого? В истории Библии на Руси это имя, по сути, первое, какое нам известно. Впрочем, такое имя раз встретишь – и уже не забудешь.

Нет, это не персонаж антиклерикальных пасквилей, он сам так подписывался. Еще точнее, подписывался он по-древнерусски: «Азъ попъ Оупирь Лихыи». Очевидно, таково было его мирское имя вместе с прозвищем. Вполне возможно, был он родом из Швеции, где на рунических камнях встречается имя резчика Upir Ofeigr, Упир Неробкий. Может быть, так и перевели это имя на язык наших предков – Упырь Лихой?

В любом случае, жил Упырь в Новгороде в XI в. и был не только священником, но и переписчиком библейских книг. А еще точнее, занимался их перекодированием с кириллицы на… кириллицу.

Надеюсь, уже достаточно запутал и заинтриговал читателя, чтобы начать распутывать этот клубок.

Как представляет себе происхождение церковнославянской Библии обычный человек? Ну примерно так: Святые Кирилл и Мефодий, первые славянские книжники, придумали нашу азбуку, а потом взяли и перевели Библию на свой язык, и с тех пор она у нас есть. Только подобное утверждение будет неверно буквально в каждом слове.

Во-первых, братьев звали Константин и Мефодий, имя Кирилл старший из них принял при пострижении в схиму накануне смерти. Братья сами были не славянами, а византийскими греками и происходили из Салоник, где было много славян и все знали славянский диалект предков нынешних болгар – современные болгары так и называют тот язык «древнеболгарским», и не без оснований.

Наши предки уже тогда говорили на несколько ином языке, который сегодня принято называть древнерусским. Они произносили: «горожанин, волость, один» – а на Балканах говорили: «гражданин, власть, един». В русский язык, как нетрудно заметить, нередко входили и те, и другие слова, причем в разных значениях. Обычно церковнославянизмы (балканский вариант) получали более торжественное значение, и как давно отметили слависты, лозунг «Да здравствует советская власть» состоит из них целиком и полностью. На языке наших предков, древнерусском, желали бы не власти здравствовать, а волости быть здоровой.

Несколько различалась и грамматика: так, форма «лихой» – русская, северная, а вот «лихый» – балканская, южная. Почему же новгородец (и, возможно, варяг) Упырь подписывался на балканский лад? Да потому что был книжником. Книжным языком еще долго оставался именно старославянский с его болгарскими формами. До сих пор в языке соседствуют торжественное «великий» (-ий на южный лад) и обыденное «большой» (-ой

на северный). Еще у М.В. Ломоносова эти различия в окончаниях прилагательных служили признаком высокого или низкого «штиля».

Далее, всей Библии на славянский язык Константин-Кирилл с Мефодием не перевели. Они начали работу с евангельских текстов, которые читались за литургией, потом добавили к ним другие необходимые для богослужения отрывки – ведь им было нужно не книги печатать, а начать богослужение на природном языке славян. Еще при их жизни им помогали «попы-скорописцы», как называет их житие, и работа несомненно продолжилась и после их смерти – слишком много надо было перевести, а кое-что из уже переведенного исправить за «скорописцами». Очевидно, Упырь был одним из тех, кто занимался этой работой.

Да, но что там насчет перекодирования? Как отмечал он сам, переписывал он книги «ис коуриловицѣ», т.е. с кириллицы. В какую же другую кодировку? Да тоже в кириллическую. Но KOI-8 или Windows-1251 тут совершенно ни при чем. Кириллицей, как нетрудно догадаться, называли азбуку, изначально созданную Константином-Кириллом и Мефодием. И она не имеет никакого отношения к алфавиту, которым пишем сегодня мы.

Сегодня ученые согласны, что изобретением солунских братьев стала азбука, называемая глаголицей – туристы, посещающие Хорватию, встречают там в изобилии сувениры с глаголическими надписями, тем более, что глаголические книги использовались за богослужением вплоть до недавнего времени на хорватском острове Крк. Как и создатели грузинского и армянского алфавитов, солунские братья придумали совершенно новые начертания букв, состоящие в основном из кружков, ломанных линий и треугольников. Сегодня их могут прочесть только специалисты.

Откуда же взялся тот алфавит, который мы называем кириллицей сегодня? Точно не известно, но зато понятно, зачем он был изобретен. Зачем придумывать новые буквы, когда в существующих алфавитах их и так уже хватало? Славянские книги переводили с греческого, так что было вполне естественно взять для них греческий алфавит, добавив особые буквы для передачи звуков, существовавших только у славян. Две буквы заимствовали и вовсе у евреев: это Ш (ср. ש) и Ц (ср. צ). Вот Упырь и переписывал рукописи на глаголице на новый лад.

Осталась последняя загадка про Упыря Лихого. Если он действительно шведский рунорезчик Упир Неробкий, почему в Новгороде он не служил в княжеской дружине, как все порядочные варяги, а занимался книжным делом? Конечно, нам его биография не открыта, но одна догадка все же есть…

Не известно, была ли у славян письменность до Константина-Кирилла и Мефодия. В разных источниках встречаются упоминания каких-то знаковых систем, например, болгарский черноризец Храбр в X веке сообщал, что прежде славяне пользовались некими «чертами и резами». Совершенно не обязательно это был алфавит в нашем понимании, скорее – некая система условных знаков, например, родовых клейм, которыми метили скот и прочее имущество.

Но вот в житии тех самых Константина и Мефодия говорится, что еще прежде славянской миссии Константин нашел в Херсонесе Таврическом (нынешний Севастополь) «Евангеліе и Псалтирь роусьскыми письмены писана». А это уже означает наличие полноценной системы письменности, на которой можно создавать самые сложные тексты.

Да, но что такое «русские письмена»? Русью в те времена называли в основном варягов, распространена гипотеза, что само это слово происходит от древнескандинавского корня roþ- со значением «грести веслами». Дескать, так называли отряды викингов, поднимавшихся на своих судах по рекам в славянских землях. Так это или нет так, мы не знаем, но вдруг… речь действительно идет о неких скандинавских письменах, которые использовались в том числе и славянами? В Скандинавии к тому моменту уже давно было свое руническое письмо, варяги со славянами тесно общались, и один из них, к примеру, тот же Упир Неробкий, вполне мог осесть в Новгороде, чтобы

заниматься своей основной работой: переписыванием текстов. Изучил постепенно славянский язык и две его азбуки…

К сожалению, всё это чистейшей воды домыслы и проверить их при нынешних данных нет у нас никакой возможности. Но как гипотеза, пожалуй, сгодится.

Да, а откуда мы вообще знаем про попа Упыря Лихого? Из небольшой приписки, сделанной им в конце собственной рукописи с ветхозаветными пророчествами: «Слава тебѣ Г(оспод)и Ц(а)рю небесныи, яко сподоби мя написати книгы си ис коуриловицѣ кн(я)зю Влодимиру Новѣгородѣ княжащю сынови Ярославлю болшему. Почахъ же ѣ писати в лѣто 6555 м(е)с(я)ца мая 14. А кончах того же лѣта м(е)с(я)ца декабря въ 19. Азъ попъ Оупирь Лихыи. Тѣмьже молю всѣх прочитати пророчество се. Велика бо чюдеса написаша намъ сии пророци в сихъ книгахъ. Здоровъ же княже буди въ вѣкъ живи, но обача писавшаго не забываи». Датировка от сотворения мира соответствует 1047 году по нашему летоисчислению.

Что интереснее всего – сама рукопись Упыря до нас не дошла, как это часто происходит с древними рукописями, его имя просто осталось в рукописях более позднео времени. Но писавшего мы действительно не забыли, как и просил древнерусский книжник поп Упырь Лихой.

2. Апракос Остромира

А первым известным нам спонсором или заказчиком книжной продукции на Руси был новгородский посадник (говоря нынешним языкам – мэр Новгорода) по имени Остромир.

Его имя известно нам из приписки в конце книги XI в. от имени переписчика, диакона Григория: «Написахъ же еу(ан)г(е)лiе се рабоу Б(о)жию нареченоу сущоу въ кр(е)щении Иосифъ а мирьскы Остромиръ». Как и в случае с Упырем Лихим, книга была создана в северной столице Древней Руси.

Интересно, что сохранилось в истории именно «мирское», т.е. природно-славянское его имя. Впрочем, так оно было и с князьями: Владимир Мономах был в крещении Василием, а Ярослав Мудрый – Георгием, но кто узнает их под этими именами? Тогда было принято брать при крещении церковное имя из святцев, а в быту пользоваться прежним, славянским. И даже первые канонизированные русские святые, братья Борис и Глеб, вошли в святцы с родными, а не крестильными именами – в крещении их звали Роман и Давид.

В чем-то ситуация походит на современное использование ников и всяческих прозвищ: официальное имя у человека есть, но знают его все под другим прозванием. Заметим, что у балканских славян и по сю пору в ходу славянские имена, и даже в храме во время литургии у сербов слышишь, к примеру, как причащаются Драган или Милица.

В скобках стоит заметить, что сама возможность использовать в церкви славянский язык стала в свое время предметом острой полемики среди христиан: еще при жизни Св. Константина-Кирилла и Мефодия против этого возражали немецкие епископы. С их точки зрения, выразить божественную истину или обратиться к Господу с молитвой можно было только на трех языках, на которых была написана табличка на христовом распятии: еврейском, греческом и латинском.

Тогда Солунским братьям пришлось прибегнуть к авторитету римского папы, чтобы эта точка зрения была объявлена «ересью триязычников». Было официально решено, что любой язык может использоваться в проповеди и богослужении. Всё переменилось с тех пор: Рим и Константинополь утратили общение, в Риме долгие века служили только на латыни и возражали против переводов Библии на народные языки, а вот почитатели славянского текста… Многие из них сегодня придерживаются своего рода «четырехязычной ереси»: к трем священным языкам они добавили четвертый, самый-самый священный славянский, и считают невозможным молитву на русском. Так почитатели трудов Кирилла и Мефодия, по сути, выражают полную солидарность с их противниками.

Впрочем, мы отвлеклись от Остромира и его Евангелия. А каким оно, кстати, было? От Матфея, Марка, Луки, Иоанна? Да от всех понемногу. Это было Евангелие-апракос – так называли сборники евангельских текстов, читаемых за богослужением по воскресным и праздничным дням (отсюда и название «апракос», буквально «недельное», для тех дней, когда не делается никакая работа). Тексты идут не в каноническом порядке, а в соответствии с богослужебным календарем, начиная с Пасхи.

Зачем же посаднику Остромиру такой сборник богослужебных чтений? Чтобы заранее прочитывать евангельский отрывок до того, как он придет на службу? Вовсе нет. Грамотных было мало, книги были дороги, и держать дома собственную копию пусть даже самой главной библейской книги, Евангелия, не могли себе позволить и состоятельные люди… или, вернее, не считали нужным. Зачем, если этот текст и так прочитывается за богослужением? Единственное разумное назначение для такой книги – пожертвовать ее храму или монастырю, что, очевидно, и было сделано в данном случае, «на утешение многим душам христианским», как гласит та самая надпись в конце книги.

Евангелие и вообще Писание было для наших предков не книгой, стоящей на полке, а книгой, читаемой и толкуемой в церкви. Но как же научить самих проповедников и толкователей? Для них существовали еще и толковые (комментированные) тексты, где собственно библейские цитаты сопровождались пояснениями из святых отцов. Например, Откровение Иоанна Богослова, которое за богослужением не услышишь, наши предки читали в основном в толковании Св. Андрея Кесарийского. Интересно, что при этом никто никогда не пытался привести к единообразию разные версии библейского текста: толкования переводили заново или переписывали вместе с библейскими цитатами и не проверяли при этом, так ли выглядят эти цитаты в других изданиях, тех же богослужебных. Текст существовал одновременно в разных версиях, каждая использовалась для своих целей.

Более того, изменялся со временем и сам церковнославянский текст. Можно предположить, что если бы Св. Кирилл и Мефодий побывали бы на нашем богослужении, они бы поняли далеко не всё из прочитанного, особенно в нашем произношении. Буква ять (ѣ) в России читается как Е, а на западе Украины – как И, в южной Сербии и Черногории ее могут прочитать и вовсе как дифтонг ИЕ, в соответствии с тем, какие звуки возникли на месте этого славянского звука в соответствующих языках: у нас «девушка на речке», на Украине «дівчина на річці», в южной Сербии, Боснии и Черногории «дјевојка на ријеци». Некогда писалось: «дѣва на рѣцѣ», – но уже тогда разные славяне могли произносить эти слова по-разному.

Впрочем, изменения касались не только диалектов. Сегодня в славянских текстах мы видим привычное слово «церковь», но в древности оно писалось как «црькы» и соответствующим образом произносилось (буква Ь обозначала краткий гласный звук). С течением времени современное начертание и произношение вытесняло старое, традиционное, и этот процесс продолжается по сю пору.

Итак, Остромирово Евангелие – апракос, сборник богослужебных чтений, начиная с Пасхи. Стало быть, на самой первой странице мы обнаружим хорошо нам знакомые слова из первого стиха Евангелия от Иоанна: «В начале было слово…»? Не так. В Остромировом Евангелии на этом месте стоит: «Искони бѣ слово». Здесь было использовано *исконное* слово «искони», но следующие переписчики выбрали вариант «в начале», потому что он ближе к греческому. Редактировался текст и при сверке с греческим оригиналом, и ради исправления ошибок, и радо большей понятности.

Впрочем, и по сю пору в славянской Библии многое выглядит неясным: так, в псалме 118, стих 83 псалмопевец говорит, что он был «яко мехъ на слане», и мало кто может понять, о чем вообще идет речь. Может быть, о покрытых мехом слонах, т.е. мамонтах? Русский Синодальный перевод дает здесь вариант «мех в дыму», но это не намного понятнее. Наконец, современный перевод библейского общества уточняет: «закоптившийся бурдюк». Речь идет о мехе или бурдюке, в который наливали жидкости, пока он был эластичным, но он долго висел над очагом и потому прокоптился, почернел, задубел, годится только на выброс.

Немало было в переводе и прямых ошибок. Так, 17-й главе Деяний описывается, как апостол Павел выступал в афинском совете, носившем имя Ареопаг, буквально «холм Ареса». Переводчики или переписчики в Афинах не бывали, холма этого не видели, а греческое слово «пагос» означало не только «холм», но и «стужу». В результате появился перевод: «Ариевъ ледъ». Получилось, что апостол проповедовал среди каких-то ледяных глыб, по-видимому, созданных еретиком Арием. В более поздних редакциях этот лед был, конечно, исправлен, и теперь мы обнаружим там «Ареопагъ».

И что самое интересное – такое разнообразие текстов никого не удивляло, не заставляло рассуждать о «единственно правильном» издании, с которым должны сверяться все остальные. Ну, во-первых, в те времена, когда книги переписывались от руки, это было бы просто нереально. Но есть тут и другая причина: библейские рукописи

и должны были выглядеть по-разному, потому что предназначались для разных целей. А полную Библию на Руси отделяют от Остромирова Евангелия четыре с половиной века.

3. Архиепископ Геннадий, доктор Франциск и дьяк Иван

Итак, в древней Руси, строго говоря, не было никакой Библии – только отдельные издания библейских текстов, прежде всего приспособленные для богослужебных целей, иногда с толкованиями, и уж самый редкий случай – это текст в чистом виде, с книгами в каноническом порядке.

Идея полной Библии как единой книги, надо признать, была чисто западнической, и такой же оказалась вся практика ее воплощения. Нет, разумеется, полная Библия под одной обложкой появилась отнюдь не в Западной Европе, нам прекрасно известны кодексы IV-V веков: Александрийский, Ватиканский, Синайский. Они были созданы в позднеримской или ранневизантийской, кому как привычнее, империи – но до Руси они не добрались, и, судя по всему, сама идея такого издания оставалась для наших предков практически неизвестной.

Всё изменилось с изобретением книгопечатания. В середине XV в. стали выходить первые печатные издания Библии – а это значит, не просто полные собрания библейских книг, а целые тиражи совершенно одинаковых текстов. Так появилось представление не просто о единичном кодексе, но о стандартном издании, с которым можно сверяться, на которое стоит ориентироваться при подготовке всех остальных изданий, будь то богослужебные или комментированные (как мы говорили в прошлый раз, до сих пор они готовились параллельно и различались во многих деталях).

Кроме того, такое издание уже могло быть частной собственностью в доме богатой семьи – до сих пор библейские тексты хранились в основном при храмах и в монастырских библиотеках. Люди постепенно привыкали Библию иногда брать в руки и просто читать, для себя, пусть пока такое могла позволить себе лишь верхушка общества… На Западе это со временем приведет и к распространению переводов на национальные языки, и к Реформации, и к возникновению библеистики как науки.

Но пока что вернемся в Россию – и в какой ее город? Разумеется, в тот же самый Новгород, где переписывал книги с глаголицы на кириллицу поп Упырь Лихой, где заказывал диакону Григорию евангелие посадник Остромир, а что еще для нас важнее – где в конце XV в. гостили с товарами ганзейские купцы, а с ними – новопечатные книги, прежде всего, Библии.

Именно там и именно тогда распространяется и загадочная «ересь жидовствующих», о которой нам сегодня мало что известно. Возможно, ее сторонники внимательно прочитали и слишком буквально восприняли Ветхий Завет, с которым и решили теперь сверять свою духовную жизнь, включая ее обрядовую сторону.

Главным борцом с этой ересью стал новгородский архиепископ Геннадий, канонизированный святой нашей церкви. Часто приводят цитату из его письма московскому митрополиту Зосиме, где он призывает последовать примеру «шпанского короля» и безжалостно жечь еретиков. Согласно летописным источникам, некоторых-таки сожгли по его приказу – вот каким было тогда западничество! Но мало кто знает, что именно он осуществил издание первой полной Библии на Руси – правда, пока еще рукописное.

Это издание получило название Геннадиевской Библии. Казалось бы, чего проще: собрать по церквам и монастырям все рукописи, отобрать самые надежные… Но удалось найти далеко не все книги Ветхого Завета. Часть пришлось переводить заново с латинских изданий, этим занимался католический монах из Хорватии по имени Вениамин. И таким бывало русское западничество в XV в., оно же тогдашнее панславянство.

А книги Есфирь и Песнь Песней, судя по всему, были переведены… и вовсе с еврейского, мы даже не знаем, кем именно. А как же борьба с жидовствующими, главная битва святителя Геннадия? Но одно дело – текущая церковная политика и борьба с еретиками, а другое – почтение к первоисточникам. Собственно, не от того ли возникают

и распространяются ереси, что люди первоисточников не читают, или трактуют их неверно, в искаженном понимании? Просвещение – главное орудие против ереси.

Но Геннадиевская Библия была рукописной, и значит, она никак не могла стать национальным стандартом. Сколько с нее было сделано списков, мы точно не знаем, но ее роль огромна, потому что именно она была со временем положена в основу первой печатной Библии на Руси, а значит – всех последующих изданий церковнославянского текста, включая и тот, что стоит у нас с вами на книжной полке.

Вскоре после этого был предпринят и еще один очень интересный проект, не имевший, впрочем, особого влияния на ход истории. В 1517 г. в цесарском городе Праге начала издаваться «Бивлия Руска, выложена докторомъ Францискомъ Скориною изславнаго града Полоцька, Богу кочти и людемъ посполитымъ кдоброму научению». Правда, это была далеко не вся Библия, а лишь отдельные ветхозаветные книги, в 1525 г. в Вильне (совр. Вильнюс) был напечатан также «Апостол» в версии Скорины. Что же это была за «Бивлия Руска»? Церковнославянский текст, исправленный по венецианским изданиям самого начала XVI в. и с сильным влиянием белорусских диалектов, хорошо знакомых половчанину Скорине. Так что сам его язык можно при желании назвать старобелорусским – или церковнославянским белорусского извода, кому как больше нравится.

Скорина, несомненно, был гуманистом и просветителем, но какой держался веры, никто не знает. Одни считают его католиком, другие – православным, третьи – униатом, а некоторые источники прямо называют гуситом, т.е. сторонником зарождавшейся в Европе Реформации. Да и в самом деле: имя у него явно неправославное, его идея издания Библии на народном языке совершенно некатолическая, а что до гуситов и реформаторов, так он был слишком большим конформистом. Скорее всего, Скорина был просто ученым знатоком, белой вороной своего времени. Да и что за идея: Библия, с одной стороны, русская, национальная – а язык все-таки ближе к церковнославянскому, чем к говору града Полоцка XVI века! Сплошной компромисс, не принятый в ту эпоху ярких контрастов и незаслуженно забытый по сю пору.

А вот о Геннадиевской Библии такого не скажешь. Списки с нее легли в основу первого печатного издания Библии на церковнославянском. Его осуществил знаменитый первопечатник дьяк Иван Федоров, и называется эта Библия Острожской, поскольку вышла в городе Остроге в 1581 году. Книга вышла в свет по благословению православного епископа и под покровительством православного князя Константина Острожского, но происходило все на территории Литовского княжества (сегодня Острог принадлежит Украине). Все же слишком подозрительно выглядела деятельность московского первопечатника для московских же ревнителей благочестия: новшество, западничество, почти что колдовство… Пришлось переселяться в ближнее зарубежье. Так первая печатная Библия на Руси оказалась чистой воды «тамиздатом».

Зато она действительно стала национальным стандартом – именно ее многократно переиздавали, теперь уже в Москве. Ей доверяли настолько, что не считали нужным сколь-нибудь серьезно редактировать. Реформатор патриарх Никон, стремившийся привести всё к полному соответствию с греческими образцами, задумывал, правда, такую редактуру, но не успел за нее взяться всерьез. Отметим, что при нем «возвращение к истокам» проходило под западным влиянием: ученых монахов выписывали для книжной справы в основном из Киева, образование они получали в том числе у иезуитов, и заглядывали не только в греческий, но и в латинский текст. Впрочем, в ходе реформ Никона сразу началось такое, что всем как-то стало не до тонкостей библейской текстологии. В результате московское издание 1663 г. (время взлета Никона!) фактически повторяет Острожскую Библию.

В результате последняя серьезная ревизия текста была инициирована вовсе не патриархом Никоном, а другим великим реформатором: «В Московской типографии печатным тиснением издать Библию на славянском языке, но прежде тиснения прочесть

ту Славянскую Библию и согласить во всем с Греческою». Никон был бы доволен формулировкой, но принадлежит этот указ не ему, а Петру I, он был дан в 1712 году. Впрочем, такие проекты быстро не делаются, особенно у нас. Работа то начиналась, то прекращалась, попутно выяснялось, что с греческими изданиями слишком уж много расхождений… Да стоит ли овчинка выделки?

Например, один из русских иерархов того времени и ныне почитаемый святой, митрополит Арсений Мацеевич считал: «Ежели рассудить в тонкость, то Библия у нас и не особо нужна. Ученый, ежели знает по-гречески, греческую и будет читать; а ежели по-латыни, то латинскую, с которой для себя и для поучения народу российскую, какая ни есть Библия, будет исправлять. Для простого же народа довольно в церковных книгах от Библии имеется». Еще одна характерная черта того времени: богословское образование было скроено на католический лад и опиралось на латинские тексты.

И снова, как и в случае с архиепископом Геннадием, видим с неожиданной стороны известного в истории церковного деятеля – митрополит Арсений отказался в свое время присягать императорам как «крайним судиям» Церкви, что, впрочем, не вредило его карьере, пока он не выступил против отчуждения церковных владений Екатериной II. Тогда он был сослан в монастырь, продолжил там критиковать императрицу, был посажен в крепость, где и скончался. В 2000-м г. был канонизирован как священномученик.

И вот этот обличитель цариц, этот носитель библейского пророческого духа – не видел смысла в существовании славянской Библии?! Трудно бывает понять человека, жившего два с лишним столетия назад, но, видимо, он был противником всякой секуляризации, от распространения Писания среди простого народа и до отнятия у монастырей деревень с крепостными. А может быть, он просто мечтал о возвращении в то время, когда простой народ слушал чтения из Писания в храме и ему того хватало?

И все же императрица Елизавета решила довести до завершения и это начинание своего отца. В 1751 году исправленное издание увидело свет, теперь его называют Елизаветинской Библией. Это было последнее исправление церковнославянского текста в России, с тех пор и по сей день переиздается именно этот текст, иногда с косметической правкой. Периодически заходит разговор о необходимости создать новое издание, с учетом всех достижений современной науки, но пока что ничего, кроме разговоров, не видно.

Хорош или плох этот текст, но с XIX в. речь всерьез зашла о необходимости Библии «для поучения народу» – перевода на русский язык.

4. Нужна ли Библия на русском?

Сегодня почти в каждом доме, где читают по-русски, есть и Библия на русском языке, и если задать вопрос «зачем?», хозяева удивятся. Можно Библию не читать (большинство и не читает), но надо же иметь ее у себя на полке, по меньшей мере, как классическое произведение мировой литературы – а то и как Священное Писание. Причем, разумеется, не в оригинале, и даже не на церковнославянском, а на природном нашем языке – русском.

Всего пару столетий назад эта мысль казалась многим революционной – да просто потому, что такой Библии не было на свете. В 1824-м году А.С. Пушкин из Михайловского отправил заказ брату в Петербург: «Библию, библию! и французскую непременно!» Трудно понять из этой фразы, собирался ли Александр Сергеевич читать только французский перевод, или он просил прислать две книги: одну французскую, а другую церковнославянскую. Русской еще не существовало, а обходиться церковнославянским текстом великий поэт не желал: видимо, язык ее при всей возвышенности понятен был лишь отчасти.

Образованное общество могло справиться в трудных случаях с французским или иным западным переводом. А остальные? Нужна ли была им Библия на современном русском языке? Как уже было сказано, еще в XVIII в. митрополит Арсений Мацеевич считал, что даже на церковнославянском издавать полную Библию не стоит.

Впрочем, это никак не значит, что попыток перевода вовсе никаких не было. Отдельные отрывки из Библии, а точнее, псалмы, публиковались на русском в вольном переложении еще с конца XVII в. Такие переложения сочиняли Симеон Полоцкий (1680 г.), Авраамий Фирсов (1683 г.), Василий Тредиаковский (1753 г.), но это все же были личные эксперименты – скорее, вольные размышления поэта над страницами славянской Псалтири, нежели кропотливый труд переводчика. Подобные опыты продолжаются и в новое время – последнее поэтическое переложение псалмов подготовил Наум Коржавин.

Как уже говорилось прежде, в Средние века никто не ожидал от рядовых верующих, что они дома раскроют Библию и станут ее читать: книги были исключительно редки и дороги, да и грамотных было мало. С первой причиной покончило массовое книгопечатание, со второй – эпоха Просвещения, по крайней мере, в Европе. Особенно изменилось положение дел после Реформации, которая предложила каждому христианину самостоятельно обращаться к Писанию – а значит, читать его на своем родном языке.

Волны Реформации докатились до России при Петре I. Есть сведения, что именно в его царствование Библию переводил на русский язык немецкий пастор из ливонского города Мариенбурга Эрнст Глюк, но этот перевод, если он вообще существовал, бесследно пропал после его смерти в 1705 г. От пастора зато остался латышский перевод, а России он подарил совсем иное: свою воспитанницу Марту Скавронскую, она же государыня Екатерина I.

Трудно сказать, что там происходило на самом деле: переводил ли пастор Библию на русский или только собирался, и если переводил, сколько успел перевести и почему его черновики бесследно пропали. Но вряд ли имел бы успех этот перевод остзейского немца на язык, который был для не родным и даже не первым иностранным. Как и многие иные начинания петровской поры, его перевод выглядел бы как нечто чужое, перенесенное на русскую почву из германской культуры – такие вещи с трудом приживаются даже в технической сфере, что уж говорить о духовной области.

Да и русского литературного языка в ту пору еще, по сути, не было. Был церковнославянский, был официальный язык государевых указов, был язык технических инструкций (где каждое второе слово было иноземным), и был, разумеется, просторечный, разговорный язык – в каждом городе свой. На какой именно язык мог переводить пастор Глюк священный текст? Ему предстояло (как он сделал с латышским, а

до него – Лютер с немецким) по сути, создать новую версию литературного русского языка… и вряд ли бы он справился с этой задачей, вряд ли страна бы приняла его изобретение.

Русскому литературному языку еще только предстояло появиться, и те, кто его создавал, в отличие от Лютера в Германии, вовсе не горели мыслью сделать текст Писания доступным каждому христианину – слишком много у них было других задач, да и сопротивление материала было велико. Антиох Кантемир изображал в своей сатире одного такого противника новшеств:

«Как, – говорит, – Библию не грешно читати,
Что она вся держится на жидовской стати?
Вон де за то одного и сожгли недавно,
Что, зачитавшись там, стал Христа хулить явно.
Ой нет, надо Библии отбегать как можно,
Бо, зачитавшись в ней, пропадешь безбожно».

Речь, конечно, шла о Елизаветинской церковнославянской Библии, но тем страшнее показался бы ценителям старины русский перевод. Зато в начале XIX века в протестантских странах Европе, начиная с Великобритании, возникло новое движение – библейские общества. Всё началось, как часто бывает у англосаксов, с истории про damsel in distress: про бедную, но благочестивую девушку по имени Мэри Джонс, которая копила деньги, чтобы купить собственную Библию – но не смогла найти ее в продаже в ближайшем магазине и вынуждена была прошагать босиком двадцать миль в ее поисках.

Благородные джентльмены, услышав о ее странствиях, приняли в 1804 году истинно британское решение: учредить особое общество, которое обеспечит подобным девушкам возможность беспрепятственно приобрести экземпляр Писания на родном языке и по сходной цене, причем действовать это общество собиралось не только на территории Британии, но и за рубежом. Забегая вперед, скажу, что в России ему удалось сделать немало.

Это была эпоха наполеоновских войн, и Россия вышла из нее полноценной европейской нацией. Двести лет назад, изгнав Наполеона из своих пределов, Россия доказала это и самой себе, и всему миру. Не только русская армия оказалась сильнее la Grande Armée, но и народ сумел, преодолев сословные различия, выступить как единое целое, защищая свою страну. А без чего европейской нации начала XIX века невозможно обойтись? Помимо всего прочего, без национальной Библии.

Она была у французов, немцев, англичан, даже в отсталых «придунайских княжествах» (родных краях Кантемира) читали свои румынские переводы еще с XVI-XVII веков… И только храбрые россы, чей гром победы раздавался на всю Европу, были лишены этого национального символа. Да и не только символа, важнейшего источника для развития своей литературы и культуры для любого христианского народа – достаточно вспомнить, как много библейских мотивов у того же Пушкина. И всё это – из французской Библии? А ведь были в русской литературе уже и Ломоносов, и Державин, и Карамзин…

Очень кстати пришлись тут и мистические настроения императора Александра I, который в то же время был открыт иноземным влияниям. Словом, вскоре после изгнания Наполеона Александр I, принял два решения, коими пожелал отблагодарить и прославить Творца: построить в Москве Храм Христа Спасителя и учредить в России библейское общество. Интересно, что пока работало это общество, не строился храм, а затем, когда общество закрылось, то и храм был построен. Так уж оно у нас повелось на Руси: стены строим или в смысл вникаем мы обычно по отдельности.

5. Библейское общество и кирпичный завод

К тому моменту, как А.С. Пушкин в 1824-м году просил прислать ему французскую Библию, уже восемь лет как было принято решение на самом высоком уровне: русской Библии быть! Но от решения до того дня, когда в синодальной типографии будет отпечатан тираж этой самой Библии, пройдет шесть десятилетий. Будь у этого издания хоть какое-нибудь предисловие, в нем наверняка была бы изложена долгая и трудная история этого труда, названы имена переводчиков и редакторов, подробно разобраны аргументы всех тех, кто стремился выпустить это издание в свет и всех, кто такому противился… Или слишком тут было все неоднозначно, чтобы выносить такое на публику? Может быть, потому и не было в книге никакого предисловия?

Итак, решение подготовить русский перевод Святейший Синод принял по предложению императора Александра I в начале 1816-го года, сразу после окончания наполеоновских войн. Работа была поручена новооткрытому Российскому библейскому обществу, тогда исключительно популярному в обществе благодаря высочайшей протекции. И работа закипела: уже в 1819 г. было издано Четвероевангелие, а в 1821 г. – полный Новый Завет. Первые издания были параллельными, с русским и славянским текстом. Началась работа и над Ветхим Заветом, при этом изначально перевод делался с еврейского текста, а при редактировании добавлялись в квадратных скобках варианты из греческого перевода (Септуагинты). В 1822 г. впервые вышла Псалтирь, причем за два года ее тираж составил более ста тысяч экземпляров.

Однако с самого начала переводческую работу сопровождали ожесточенные споры: да нужна ли она вообще? Главными сторонниками перевода были на тот момент обер-прокурор и министр просвещения князь А.Н. Голицын, а также ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии архимандрит Филарет, будущий Московский митрополит. Благосклонно относился к нему и митрополит Петербургский и Новгородский Михаил (Десницкий).

Но были у перевода и противники, причем споры эти не утратили своего значения и по сей день. Правда, теперь никто не сомневается в возможности и даже необходимости русского перевода Священного Писания, но все те же самые аргументы выдвигаются сегодня в иных спорах – которые, как знать, лет через и сто или двести покажутся нашим потомкам такими же странными и неуместными.

Главными критиками тогда были митрополит Серафим (Глаголевский) и министр просвещения адмирал А. С. Шишков (тот самый, который галоши желал непременно звать «мокроступами»). Они были не просто были недовольны качеством перевода, но отрицали саму необходимость какой-либо Библии для русских читателей, кроме церковнославянской, тем более, что в библейском обществе трудились далеко не одни православные. Шишков писал (и эти слова по сю пору охотно перепечатываются православными ревнителями): «Рассеиваемые повсюду в великом множестве Библии и отдельные книги Священного Писания, без толкователей и проповедников, какое могут произвести действие? ... правила апостольские, творения святых отцов, деяния святых соборов, предания, установления и обычаи церковные – одним словом, все, что доселе служило оплотом Православию, все сие будет смято, попрано и ниспровержено. Всякий сделается сам себе толкователем Библии и, образовав веру свою по собственным понятиям и страстям, отторгнется от союза с Церковью».

Победа в споре была обеспечена той стороне, которую гласно или негласно поддерживал император. Сначала само его желание увидеть этот перевод изданным было лучшим аргументом в пользу всего предприятия, но… «дней Александровых прекрасное начало» сменилось усталостью и раздражением от всех этих новшеств. А мистические увлечения былых дней стали казаться консервативному духовенству всё более подозрительными, тем более, что петербургская аристократия и в самом деле увлекалась

духовностью самого разного рода, не всегда совместимой с православием. Сам Голицын, как и многие представители аристократии в те годы, был масоном.

А главное, получившийся перевод Нового Завета был слишком непохож на церковнославянский – и то была сознательная установка переводчиков! Они, в частности, руководствовались такими правилами: «греческого текста, как первоначального, держаться в переводе преимущественно перед славянским; величие Священного Писания состоит в силе, а не в блеске слов; из сего следует, что не должно слишком привязываться к славянским словам и выражениям, ради мнимой их важности». Всё это выглядело крайне подозрительно.

К тому же умершего митрополита Михаила в 1821-м году сменил на кафедре митрополит Серафим, противник всего, что касалось дела перевода. Он добился отставки Голицына в 1824-м году – как раз когда Пушкин просил французскую Библию! – и всё посыпалось: библейское общество было закрыто, переводческая работа прекращена, и в конце 1825 г. свежеотпечатанный тираж первых восьми книг Ветхого Завета на русском был сожжен на кирпичном заводе.

А дальше началось царствование Николая I, и о всяких сомнительных новшествах полагалось крепко-накрепко забыть. Зато в его годы было исполнено другое повеление Александра I, данное им в те же победные дни зимы 1812/13 годов, что и указ об учреждении Библейского общества в России: началось строительство храма Христа Спасителя в Москве.

Впрочем, продолжалась и неофициальная работа над переводами: Новый Завет уже существовал, так что те, кто радели о переводе, занимались Ветхим. В то время в Европе все новые переводы делались исключительно с еврейского Масоретского текста, который считался тождественным оригиналу. Но в православной традиции огромную роль всегда играла греческая Септуагинта, которая во многих местах отличается от Масоретского текста, не говоря уже о том, что в ней есть книги, еврейские оригиналы которых до нас просто не дошли. Они не входят в протестантские издания, но в православных они печатаются. И что делать с церковнославянским переводом, который используется за богослужением и с греческим не всегда совпадает? Единого мнения не было.

В николаевскую эпоху было двое главных переводчиков: кабинетный ученый и полевой миссионер. Первый – это протоиерей Герасим Павский, ставший еще в 1819-м г. основным редактором первого официального перевода. Затем он преподавал древнееврейский язык в С.-Петербургской Духовной Академии. На занятиях широко использовались подготовленные им учебные переводы некоторых пророческих и поэтических книг Ветхого Завета, где, помимо всего прочего, отрывки из пророческих книг располагались не в каноническом, а в «хронологическом» порядке, в соответствии с представлениями ученых того времени, строго с Масоретского текста. Переводы показались студентам настолько интересными, что их литографические копии стали расходиться за пределами Академии и даже С.-Петербурга.

В результате на вольнодумца был написан донос и в 1841-м г было проведено синодальное расследование. О. Герасим остался преподавать в Академии, но о всякой переводческой деятельности должен был на долгое время забыть. Впоследствии в журнале «Дух христианина» в 1862 – 1863 гг., уже в ходе подготовки Синодального издания, вышли его переводы некоторых исторических книг Ветхого Завета и Притчей.

Другой переводчик – архимандрит Макарий (Глухарев), просветитель Алтая. Живя в основанной им миссии в алтайских предгорьях, он не только переводил Писание на язык местных кочевников (потомки которых сегодня хранят о нем самую теплую память), но и думал о необходимости русского перевода Ветхого Завета. Для начала о. Макарий написал о своих предложениях московскому митрополиту Филарету (сегодня оба они прославлены как святые), но поскольку ответа не было, он с 1837 г. приступил к самостоятельной работе, пользуясь отчасти литографиями Павского. Результаты своих

трудов он сначала отсылал в Комиссию духовных училищ, а затем и непосредственно в Синод, с особыми разъяснениями.

Тон его послания к Синоду – под стать книге Исайи, которую оно сопровождало. О. Макарий обличает Синод за нежелание порадеть в деле духовного просвещения России, называет бунт декабристов, наводнение в Петербурге и прочие бедствия прямым следствием этого нерадения. Те же слова повторяет он без стеснения и в письме самому императору Николаю I! Ответом была епитимья: ежедневно служить литургию – и сданные в архив черновики переводов. Впрочем, митрополит Филарет после этой истории обратил внимание на о. Макария и написал ему подробный ответ, суть которого сводилась к одному тезису: еще не настало время.

Однако о. Макарий продолжил работу и перевел полностью Ветхий Завет, кроме уже давно изданной Псалтири; его переводы после его смерти были напечатаны в «Православном обозрении» за 1860 – 1867 гг. и использовались при подготовке Синодального издания. Эти переводы полностью следуют древнееврейскому тексту. Особенно ценят их сегодня свидетели Иеговы, поскольку в них употребляется не привычное нам слово «Господь», а имя «Иегова».

Был один теоретик перевода – митрополит Филарет. Хоть он и не ответил о. Макарию, но разрабатывал методологические указания для переводчиков. Их он изложил в записке к Священному Синоду «О догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого седмидесяти толковников и славенского переводов Священного Писания» (1845 г.). Там он предложил своего рода компромисс: переводить еврейский текст, но дополнять и даже править перевод (в догматически значимых местах) в соответствии с Септуагинтой и церковнославянским.

Именно так и решено было поступить в царствование Александра II, когда началась подготовка собственно Синодального перевода Библии на русский язык.

6. Синод и Библия

У меня на полке стоит книга, изданная в 1876 году и озаглавленная очень просто: «Библія. Книги Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта в русскомъ переводѣ». Чуть ниже добавлено: «По благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода». Вот эту Библию, а также все ее переиздания, в том числе и с исправлениями, мы и называем Синодальной, она и по сей день остается единственной национальной Библией, хотя появляются и новые переводы.

В этом издании нет предисловия – а если бы оно было, в нем наверняка излагалась бы история создания этого перевода, долгая и сложная. В прочем, еще дольше и еще сложнее была предыстория, о которой мы говорили в прошлый раз. Сама возможность появления русского текста Библии оставалась предметом горячих споров более, чем полвека: при Александре I было принято решение создать перевод, но при нем же от этой идеи отказались. Изданные экземпляры Нового Завета были выведены из употребления, а тираж первых книг Ветхого – и вовсе сожжен на кирпичном заводе.

В царствование Николая I официальная переводческая работа полностью прекратилась, но продолжились труды отдельных людей, своего рода подвижников перевода, прежде всего отцов Макария Глухарева и Герасима Павского, а над теоретическими основаниями такого перевода размышлял митрополит Московский Филарет (характерно, что двое из троих сторонников перевода канонизированы церковью, тогда как среди его противников ни одного прославленного святого нет).

Итак, на заседании Синода по поводу коронации Александра II (1856 г.) с подачи митрополита Филарета было принято решение возобновить перевод Библии на русский язык. Впрочем, это решение еще не привело к началу работы, ведь у проекта было немало противников. К их числу относился, к примеру, Киевский митрополит Филарет (Амфитеатров). Аргументация противников перевода практически не менялась со времен адмирала Шишкова: церковнославянский и русский суть разные стили одного языка, к тому же первый объединяет разные православные народы. «Если переводить на русское наречие, то почему же не перевести потом на малороссийское, на белорусское и проч.!» – восклицал митрополит Филарет. Так оно, впрочем, со временем и случилось, но сегодня это уже никого не пугает.

Кроме того, широкое знакомство с библейским текстом могло, по его мнению, способствовать развитию ересей, как это и произошло на родине библейских обществ, в Англии. Вместо перевода предлагалось исправлять отдельные слова славянского текста и поголовно обучать народ церковнославянскому языку. Кстати, такое же решение предлагалось и для «инородцев», в отношении которых оно выглядело уж совсем утопично. Разделял эту позицию и оберпрокурор Синода граф А.П. Толстой.

Спор двух митрополитов Филаретов, Московского и Киевского, стал предметом подробного обсуждения в Синоде, и в 1858 г. он подтвердил решение двухлетней давности: «Перевод на русский язык сначала книг Нового Завета, а потом постепенно и других частей Священного Писания необходим и полезен, но не для употребления в церквах, для которых славянский текст должен оставаться неприкосновенным, а для одного лишь пособия к разумению Священного Писания. К переводу сему должно приступить со всевозможной осмотрительностью через лиц, испытанных в знании еврейского и греческого языков, по избранию и утверждению Святейшего Синода».

Император утвердил это решение. В результате в четырех Духовных Академиях (Петербургской, Московской, Киевской и Казанской), которым и было поручено это начинание, были созданы свои переводческие комитеты. Их труды утверждались епархиальными архиереями и затем Синодом, который полностью посвящал этому делу один из трех своих присутственных дней. Затем свою редактуру вносил Святитель Филарет Московский, который фактически был главным редактором этого перевода и

посвятил работе над ним последние годы своей жизни (он скончался в 1867 г.). Наконец, текст окончательно утверждался Синодом.

За основу были приняты уже существующий перевод Нового Завета и подготовленные тексты Ветхого, но все они подвергались самым серьезным исправлениям, так что фактически нужно говорить о появлении нового перевода, а не просто о редактуре старых.

Таким образом, в 1860 г. было издано Четвероевангелие, а в 1862 г. Новый Завет. Разумеется, это был новый перевод, ощутимо отличавшийся от изданий начала века. При подготовке Ветхого Завета использовались как уже существующие переводы о. Макария, которые были серьезно отредактированы, так и заново подготовленные тексты. С 1868 г. по 1875 г. публиковались отдельные сборники ветхозаветных книг. Работа велась в полном соответствии с принципами, изложенными в докладной записке митрополита Филарета: переводить Ветхий Завет с еврейского текста, но при этом дополнять его вставками из греческого перевода, а также сверяться со славянским, особенно в догматически значимых местах. Такое компромиссное решение должно было удовлетворить строгих критиков… хотя, кажется, их уже ничего удовлетворить не могло.

В результате возник свой, особенный тип текста, эклектически сочетавший элементы еврейского и греческого текста, причем греческие вставки были помечены скобками. Мы читаем в книге Бытия буквально следующее: «Адам жил сто тридцать (230) лет, и родил (сына) по подобию своему (и) по образу своему, и нарек ему имя Сиф». От первого издания и до наших дней сохраняются эти скобки, включая явные расхождения в числах.

Правда, протестанты, начиная с 1882 года, в своих изданиях стали опускать всё, что приводилось в скобках (включая и те, которые использовались как знаки препинания), но и это не привело к появлению перевода, полностью идентичного еврейскому тексту, ведь во многих случаях влияние греческого или славянского проявилось на уровне интерпретаций. Например, еврейский текст гласит, что Бог завершил сотворение мира в седьмой день. Как же так, ведь это уже был день покоя? И Септуагинта поправляет: в шестой. А в Синодальном читаем: «И совершил Бог к седьмому дню все дела Свои, которые Он делал». Числительное «седьмой» взято из еврейского текста, но смысл скорее соответствует греческому: дескать, никаких трудов в сам седьмой день уже не было.

Что касается Нового Завета, тут всё было значительно проще: за основу был взят традиционный византийский вариант текста, который, с небольшими отличиями, был известен и на Западе (т.н. Textus Receptus, т.е. «общепринятый текст»), и на Востоке христианского мира. За основу были взяты западные издания, а слова, присутствовавшие в церковнославянском, но отсутствовавшие в этих изданиях, также давались в скобках. Добавленные «для ясности и связи речи» слова были выделены курсивом.

Так возникла наша национальная Библия, такой на и остается с минимальными изменениями. В 1926 г. Синодальная Библия была впервые напечатана в новой орфографии. Начиная с издания Московской патриархии 1956 г., подверглись незначительной правке устаревшие грамматические формы (например, «увидевши» заменялось на «увидев», а «лицем» на «лицом»). Более существенных исправлений не было.

А зря, в этом переводе многое нуждается в правке. О стилистике сейчас говорить не будем, лишь о точности и последовательности. История и в особенности предыстория Синодального перевода была слишком сложной и долгой история, его появление определялось скорее церковно-политическими спорами, чем научными дискуссиями, над ним работало слишком много разных людей – и результат оказался достаточно противоречивым и непоследовательным. Нередко возникает путаница в терминах, даже в именах собственных: в исторических книгах Ветхого Завета один и тот же город называется то Екрон, то Аккарон, и пойди угадай, что город один.

Но есть и более серьезные проблемы. Ключевое для Послания к Римлянам понятие δικαιοσύνη (употребляется в этой книге 34 раза!) переводится то как «правда», то как «праведность», а это ведь по-русски совсем не одно и то же. Однокоренные слова, близкие по значению, вообще переводятся как «оправдание» – по-русски так называется неубедительная речь провинившегося человека. В результате разрушается логика апостола Павла, которую и без того непросто понять.

Были в переводе (и остаются по сей день!) и прямые ошибки. Во 2-й книге Царств мы читаем про то, как поступил царь Давид с населением захваченного главного города аммонитян: «народ, бывший в нем, он вывел и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи. Так он поступил со всеми городами Аммонитскими». Ничего себе! Это не просто тотальный геноцид, но какое-то изощренное зверство… Непонятно, впрочем, как это аммонитяне выжили после таких массовых казней, да еще и в ближайшем будущем вернули себе независимость.

Да только нет такого в оригинале. Там всего лишь сказано, что Давид «поставил» городских жителей к этим орудиям – видимо, отправил в трудовые лагеря. Тоже не сахар, но все-таки объяснимо: заставил завоеванных потрудиться на благо собственного государства. Для нас, знающих историю XX века, разница огромна.

И все же, несмотря на все ошибки, появление и распространение первой русской Библии имело огромный эффект. Какое впечатление произвело оно на простой народ, лучше всего описал Н.С. Лесков в рассказе «Однодум», главный герой которого, квартальный надзиратель Рыжов, стал эту книгу не просто читать, но и задумываться над прочитанным, а потом – и жить в соответствии с ним. И оказался он этаким инопланетянином посреди крещеного люда... «На Руси все православные знают, что кто Библию прочитал и “до Христа дочитался”, с того резонных поступков строго спрашивать нельзя; но зато этакие люди что юродивые, – они чудесят, а никому не вредны, и их не боятся» – резюмирует Лесков.

А с юродивыми всегда неудобно. Может, потому так и затягивали с этим переводом?

7. Толстой, Победоносцев и другие

«Язык этого перевода тяжелый, устарелый, искусственно сближенный со славянским, отстал от общелитературного языка на целый век» – такую оценку Синодальному переводу Библии дал российский ученый И.Е. Евсеев, и сделал он это около столетия тому назад. С самого момента своего выхода в свет этот перевод стал нашей национальной Библией – но одновременно и мишенью для критики.

Недостатков в нем находили немало. О фактических неточностях мы говорили в прошлый раз, но самый серьезный, пожалуй, точно был назван Евсеевым, и дело тут не только в устаревших словах, во всех этих «седалищах» и «влагалищах» (не подумайте плохого, речь идет о сиденьях и о ножнах, куда вкладывали меч). Что поделать, этот перевод действительно начали делать, когда Пушкин только учился в Лицее, и преодолеть это отставание от литературной нормы переводчикам и редакторам, пожалуй, так и не удалось.

Главная проблема, пожалуй, кроется в тяжеловесных кальках с древних языков и чрезмерном буквализме. «Но я видел сон, который устрашил меня, и размышления на ложе моем и видения головы моей смутили меня» – так жалуется царь Навуходоросор, и это еще понятно, хоть и неуклюже. А вот когда псалмопевец восклицает: «От прещения Твоего, Боже Иакова, вздремали и колесница и конь» – тут уже и не поймешь вообще ничего. А речь идет о том, что достаточно Богу сказать одно слово – оцепенеет грозное вражье войско (по-видимому, тут есть и намек на исход израильтян из Египта, когда египетские колесницы, пустившиеся за ними в погоню, были смыты морскими водами, и наездники уснули вечным сном вместе с конями).

Возникали вопросы и с текстами положенными в основу перевода. Синодальный перевод, как мы уже говорили, в ветхозаветной части делался в основном с еврейского Масоретского текста, но со значительными поправками и вставками из греческой Септуагинты. Греческий текст традиционно пользовался огромным авторитетом у восточных христиан, но этого не скажешь про иудеев – поэтому специально для них в Лондоне в 1866 – 1875 гг., т.е. практически параллельно с Синодальным, был издан перевод В.А. Левинсона и Д.А. Хвольсона. Его было дозволено распространять и в России, но только «для употребления евреям», как гласила надпись на титульном листе. И это было не единственное издание для них: можно упомянуть издания, подготовленные Л.И. Мандельштамом (выходили в Берлине в 1860-е и 70-е гг.) и О. Н. Штейнбергом (Вильна, 1870-е гг.). Такие издания, как правило, выходили с параллельным древнееврейским текстом, иногда перевод сопровождался комментариями, эта традиция продолжается и по сей день. По стилю все эти переводы, впрочем, схожи с Синодальным и сегодня они практически забыты. Как нетрудно угадать, Нового Завета в этих иудейских Библиях просто не было.

Но и среди христиан переводческая деятельность продолжалась. Синодальный перевод казался тогда многим возмутительным новшеством, слишком далеким от церковнославянского текста (впрочем, и сегодня есть немало таких ревнителей). И для них был в 1905-м году издан в С.-Петербурге Новый Завет в переводе обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева. В нем Иисус с апостолами плавал по Галилейскому озеру не в прозаической лодке, словно простой рыбак, а на целом *корабле*, и исцелял не каких-нибудь больных на прозаических постелях, а *недужных* на *одрах*. Его основной принцип: чем ближе к славянскому, тем лучше, ведь всякий новый перевод для него есть не самостоятельное предприятие, а некоторое улучшение существующего текста. Старые слова заменяются новыми, и каждая подобная замена таит в себе опасность: «заменяя слово другим, ходячим в разговоре, мы рискуем изменить или ослабить смысл употребляемого в священном тексте термина, – так, например, ставя *узнал* вместо *уразумел*, *делать* вместо *творить*, *примут* вместо *обрящут*, *знал* вместо *ведал*… И во

множестве случаев нет никакой нужды в этой замене, от которой речь нисколько не становится понятнее, а только вульгаризируется» – пояснял Победоносцев.

Кроме того, делались переводы Ветхого Завета с греческой Септуагинты. В 1870-е гг. выходили отдельные книги в переводах епископа Порфирия (Успенского), а затем и П.А. Юнгерова (Казань, 1882 – 1911 гг.). Из всех этих переводов наибольшую известность получил юнгеровский перевод Псалтири, переизданный в 1996 г. Он довольно академичен и предназначен, прежде всего, для самостоятельного разбора трудных мест славянского или греческого текста. Для самостоятельного чтения такой текст плохо подходит, а уж для молитвы он и вовсе непригоден. Сразу отмечу, что продолжения эти труды так и не имели – сегодня Ветхий Завет переведен с греческого на основные европейские языки и на украинский, а вот на русском мы довольствуемся перепечатками старых и к тому же неполных переводов.

Выходили вплоть до 1920-х гг. также переводы отдельных книг, выполненные самыми разными авторами, стремившимися передать красоту и глубину, которые открылись им в любимых книгах Библии. Это, к примеру, Послания к Галатам и Ефесянам в переводе А.С. Хомякова; Притчи Соломоновы в переводе епископа Антонина (Грановского); Песнь песней и Руфь в переводе А.В. Эфроса.

Отдельно стоит сказать о переводах Евангелий Л.Н. Толстого. Точнее, это были не переводы – ну разве мог Толстой просто переложить евангельский текст, ничего в нем не исправив? Его «Соединение и перевод четырех Евангелий» вышло в Женеве в 1891-94 гг. и, в сокращенном виде, в России в 1906 г. Это вольный пересказ отдельных страниц Евангелия, проповедующий собственное вероучение писателя. Разумеется, в нем не нашлось места ничему, что противоречило бы его воззрениями: нет в нем места чудесам, включая и Воскресение Христово. Христос Толстого – моралист, вроде самого Льва Николаевича, и никак не более того. А стиль этого текста – полная противоположность победоносцевскому:

«И стал Иисус им толковать про царство Бога, и толковал он это примерами. Он сказал: “Бог Отец сеет в мире жизнь разумения, все равно как хозяин сеет семена на своем поле. Он сеет по всему полю, не разбирая, какое куда попадет. И вот попадают одни зерна на дорогу, и прилетят птицы и поклюют. А другие на камни, и на камнях хотя и прорастут, да повянут, потому что укорениться негде. А еще иные попадают в полыни, и полыни задавят хлеб, и взойдет колос, да не нальет. А иные попадут на хорошую землю, те всходят и наверстывают за пропащие зерна и выколашиваются и наливают, и какой колос дает сам-сто, какой сам-шестьдесят, какой сам-тридцать». И немного дальше, про малую закваску: «Как баба пустит в дежу закваску и смешает с мукой, она уж не ворочает ее, а ждет, чтобы она сама закисла и поднялась».

То есть в России и за ее пределами происходило примерно то же самое, что и в остальном христианском мире: при существовании единого национального текста возникали его варианты (протестантские издания Синодального перевода с исключением, насколько это вообще было возможно, вставок из Септуагинты) и новые переводы отдельных книг и больших частей Библии. Одного текста на всех просто не хватало, потому что у людей были разные ожидания и представления. Ну не мог Толстой видеть в Евангелии, то же самое, что и Победоносцев, никак не мог… И Победоносцев не мог согласиться с прочтением Толстого. К тому же никакой, даже самый совершенный перевод, не может передать всех оттенков и тонкостей оригинала.

Именно по этим причинам уже ко времени создания Синодального перевода на основных европейских языках существовало по несколько переводов Библии, и новые продолжали появляться. Более того, уже существующие тексты тоже могли редактироваться и обновляться. Раздавались и вполне отчетливые голоса в пользу ревизии Синодальной Библии. Высказывание Евсеева, с которого мы начали этот рассказ, было призвано не уничижить Синодальный перевод, а ясно заявить о необходимости его скорейшего исправления.

Это был один из вопросов, стоявших перед Всероссийским Поместным Собором 1917-18 годов – именно к нему и готовил Евсеев свой отзыв и свои предложения о ревизии текста. Но судьба этого собора оказалась слишком похожей на судьбу многих других начинаний в нашем Отечестве. Пока существовала Империя, собор так и не созвали, хотя проблем церковной жизни было много и они активно обсуждались: двенадцать лет перед его открытием заседало «предсоборное присутствие»! Но до самого собора дело дошло только в 1917 году, он открылся в августе.

Дальнейшее понятно. Многие вопросы собор просто не успел подробно рассмотреть и принять по ним конкретные решения (к числу таких вопросов относилось и редактирование Синодального перевода), а те решения, которые были приняты, исполнить не было уже никакой возможности. До сих пор нет единого мнения о том, какова же была историческая роль этого самого представительного, самого подготовленного и квалифицированного собрания русских православных людей за всю нашу историю. Для одних это был запоздалый и упущенный шанс на возрождение церковной жизни в России, а для других – абстрактное прожектерство.

Как бы то ни было, дальше началось в стране государственного атеизма для кого выживание, а для кого – житие. И если у православных был, по крайней мере, еще и славянский перевод, читавшийся в Церкви, то для многих протестантов именно этот текст и стал боговдохновенным, тождественным оригиналу. Издания Нового Завета и целой Библии отбирали и рвали следователи на допросах (о такой истории из своей жизни рассказывал адвентист М.П. Кулаков), их привозили из-за границы под одеждой смелые христиане (с Б. Линдстром из Швеции, которая занималась этим в советские годы, мы долго потом работали вместе в Институте перевода Библии). И всё это был Синодальный перевод. Он разделял судьбу мучеников и исповедников – и потому для многих выглядел единственно возможным, единственно правильным текстом. Мученика канонизируют, не рассуждая о его ошибках.

Но когда прошла пора мученичества, стало возможно задуматься и об исправлении ошибок.

8. Время самоучек

Итак, при большевиках Синодальный перевод стал таким же мучеником и исповедником, как и люди, его читавшие, а другие переводы были и вовсе недоступны. Впрочем, это не значит, что в советское время не появилось ничего нового. Ближе к закату Союза стало возможным печатать такие опыты в виде научных или научно-популярных публикаций. Тут можно привести два примера, и оба связаны с самой трудной и спорной книгой Ветхого Завета – книгой Иова. Ее перевел в качестве приложения к своей монографии «научный атеист» М.И. Рижский (издание 1991 г.), но еще задолго до того, в 1973 г. перевод С.С. Аверинцева был напечатан в «Библиотеки всемирной литературы», в ее самом первом томе, посвященной Древнему Востоку. Туда же входили переводы некоторых других ветхозаветных книг, выполненные С.К. Аптом, И.С. Брагинским, И.М. Дьяконовым.

В этом издании библейские тексты вернулись в тот контекст, среди которого они были некогда созданы: словесность древнего Ближнего Востока. Читатели могли сравнить Песнь Песней с египетской любовной лирикой, а книгу Бытия – с вавилонскими сказаниями о сотворении мира и о потопе. Когда создавался Синодальный перевод, эти тексты не были переведены, а по большей части даже не были раскопаны археологами. Коммунисты не оставляли верующим возможности пойти и купить себе Библию в книжном магазине или в церковной лавке – зато теперь перед вдумчивым читателем Библия представала как часть единой культурной истории человечества. И еще не известно, какое из двух этих обстоятельств вызывало к ней больший интерес.

Когда настали времена религиозной свободы (лично я узнал о них по одной простой детали: в 1988 году я служил в армии, у меня нашли и отобрали карманный Новый Завет, но потом вернули, сказав «теперь можно»), всё наше общество в каком-то смысле вернулось к тем вопросам, обсуждение которых было прервано в начале века. В том числе – и к вопросу о необходимости разных переводов Библии.

За последние два десятилетия на русском языке вышло несколько новых переводов полной Библии и еще большее число изданий отдельных ее частей, и эта работа продолжается. Теперь к ней уже не имеют никакого отношения официальные церковные структуры, это инициатива отдельных людей и целых организаций – причем понять происходящее в России можно только в общемировом контексте. Библия остается самой печатаемой и переводимой книгой в мире. Вторым номером по совокупному тиражу за ней следует, с огромным отрывом, цитатник Мао Цзе Дуна – но его уже больше не печатают и не переводят даже китайские товарищи, в отличие от Библии.

Зачем всё это? С одной стороны, в России, пусть и с запозданием, происходит всё то же самое, что и на Западе. На английском языке существует более двухсот полных переводов Библии, но продолжается работа над новыми. Конечно, нужно чем-то занять всех профессоров со всех библейских кафедр, но дело далеко не только в этом, и даже не в том, что наука не стоит на месте и значение многих отрывков постоянно уточняется, и не в том, что английских языков на самом деле много, и носители одного не всегда понимают носителей другого.

На месте не стоит не только наука, но и сам язык. Даже очень хорошо известные слова ветшают и меняют свои значения. В нашей речи, например, слово «жертва» утратило всякое религиозное значение, так называют пострадавших во время стихийных бедствий или войн. А ведь библейская жертва означает не разрушение, а созидание отношений между Богом и человеком. Как тогда поймет наш современник выражение «мирные жертвы» (оно встречается в Синодальном переводе)? Скорее всего, как указание на погибших мирных жителей. Но речь идет о праздничном жертвоприношении и радостном пире.

Или взять слово «искушение»: в Библии это нечто, способное сбить человека с верного пути, а в языке современной рекламы – что-то очень приятное и желанное. По сути, вместо отрицательного значения у слова появилось положительное. Такое происходит постоянно, уже в языке Пушкина «прелесть» (особо сильное искушение) стала синонимом красоты и изящества. Кстати, когда толкиновский Горлум в русском переводе называет кольцо «моя прелесть», обыгрываются оба значения это слова. Но слышит ли эту игру зритель или читатель?

И новые переводы нередко ставят своей целью «освежить восприятие» библейского текста. Во многих языках мира слово «фарисей» давно стало означать «циник и лицемер», поэтому все евангельские обличения фарисеев выглядят банальными. Чтобы достичь желанного эффекта и показать всю остроту евангельских обличений, современные проповедники или даже переводчики иногда передают это слово как «духовный наставник, набожный человек».

Есть и более серьезная причина: ни один перевод не может выразить всех возможных тонкостей оригинала. Перевод можно сравнить с фотографией: мастерски выполненный снимок даст хорошее представление о натуре… но все-таки неполное. Можно снять тот же предмет или пейзаж при другой освещенности, другой оптикой, с другой точки – и новый снимок окажется совсем другим, хотя не обязательно он будет хуже или лучше первого.

И ведь не всем подходит одно и то же. Сегодня на том же английском множатся переводы, предназначенные для специфических аудиторий: молодежи, феминисток, малограмотных иммигрантов, которым надо всё изложить на предельно упрощенном языке, и т.д. Но в то же время появляется все больше переводов, «снятых» с определенной точки: они могут передавать особенности поэтики оригинала или его конфессиональное прочтение, например.

Но была в этом процессе и наша, российская специфика. За годы советской власти у нас была создана великолепная школа литературного перевода – достаточно сказать, что наши лучшие поэты обычно зарабатывали переводами. И если Гёте и Шекспира переводил Пастернак, можно было не сомневаться, что русский текст не уступает оригиналу. Кроме того, литературные переводы библейских книг (а они только и могли пробить себе дорогу, но зато уж они тогда и привлекали всё внимание читателя) видели в этом собрании книг явление мировой культуры в его культурном и историческом контексте, а не религиозный текст для богослужения и воскресной школы.

В то же время получить сколь-нибудь серьезное богословское или библеистическое образование было просто невозможно. Практически все, кто обратился к библейским переводам в постсоветское время – самоучки. Тот же самый М.П. Кулаков, работая в среднеазиатской глубинке на каких-то случайных должностях, изучал библейские языки дома, в свободное время. И если С.С. Аверинцев, кумир русской интеллигенции, получил отличное образование на кафедре классической филологии МГУ, то это образование касалось исключительно античной литературы. Всё остальное, включая древнееврейский, ему приходилось добирать самостоятельно. Для нас, студенчества конца восьмидесятых, он открывал двери в мир раннехристианской культуры с ее библейским наследием, но когда он уехал в Вену, его пригласили преподавать русскую литературу, ведь профессоров по византинистике и библеистике там хватало и без него.

Мы изо всех сил бросились догонять тогда Запад, наверстывать упущенное – но там наши усилия мало кому были заметны и интересны, на Россию многие западные проповедники смотрели примерно так же, как на Папуа Новую Гвинею.

Итак, начало девяностых, советская власть растворилась, духовность в моде, книг не хватает... В Россию приезжают иностранцы с чемоданчиками долларов (не шучу), собранными западными христианами на помощь их российским собратьям. Одна из самых неотложных задач – перевести Библию заново, чтобы всем всё стало понятно.

Американский библеист Б. Мецгер однажды сказал: «перевод – искусство правильно выбирать, что терять». Либо мы утрачиваем ясность, либо отказываемся от буквального следования оригиналу – это понятно. Существуют и другие развилки, как в сказке: налево пойдешь – коня потеряешь, а направо – голову. Например, насколько архаичным и торжественным (а следовательно, малопонятным и напыщенным) должен быть язык перевода? Или насколько однозначным (а значит, и произвольным) должен быть перевод многозначных или сложных для понимания мест (примеры будут ниже)?

Но тогда об этом думали мало. Самый простой и быстрый способ создать перевод – найти первых попавшихся людей, раздать им доллары из чемоданчика и попросить как можно скорее сделать работу. Примерно по этому пути пошли создатели т.н. «Современного перевода Библии», изданного в 1993 г. «Всемирным переводческим центром» на серой бумаге без особых разъяснений: кто, как и зачем этот перевод сделал. Вот два стиха из 87-го псалма: «Друзья меня оставили, Ты меня страшилищем для всех них сделал, я в доме заточён, не выйти мне. От слез болят глаза. Господь, к Тебе взываю, и мои руки подняты к Тебе». Даже размер чувствуется и шекспировские интонации, но все же не Пастернак, совсем не он. Возникает стойкое ощущение, что переводили в основном с какого-то английского текста…

В другом случае откровенно так и сделали, причем из принципиальных соображений. Речь идет о выполненном свидетелями Иеговы «переводе Нового мира». Эта религиозная община некогда решила, что существующие переводы Библии плохо согласуются с их вероучением, и надо подготовить свой собственный. Он и был сделан – сначала английская версия, а потом она была локализована на разных других языках, в 2001 вышел вариант и на русском. Это перевод откровенно предвзятый, достаточно привести только один пример: в послании Колоссянам 1:16 о Христе говорится «Им создано всё», но в этом переводе мы читаем «посредством его сотворено всё остальное» (то есть Христос оказывается тоже сотворенным). Как ни крути, а получилась натуральная ересь, если подходить с точки зрения традиционного христианства – но для свидетелей Иеговы именно так и будет правильно.

Словом, эти два перевода брать в руки не стоит – но есть и другие. Самую большую, хотя и несколько скандальную известность, получили переводы «смысловые», призванные донести до читателя основной смысл текста. Прежде всего, это новозаветный перевод «Радостная весть», издаваемый Российским библейским обществом с 2001 г. (единственной переводчицей была В.Н. Кузнецова, затем ее труд был отредактирован целой комиссией). Этот перевод сознательно отталкивается от синодальной традиции. Вот как звучит в нем начало 3-й главы от Матфея: «В те дни в Иудейской пустыне появляется Иоанн Креститель. Он возвещает: “Обратитесь к Богу! Ведь Царство Небес уже близко!”… Они признавались в грехах, а он омывал приходивших в реке Иордане» (3:1-6). С точки зрения Кузнецовой, в современном русском языке слова «проповедать, каяться, креститься, исповедовать» (мы находим их в Синодальной Библии) обозначают только церковные обряды, поэтому следует найти иные слова, чтобы передать внутренний смысл этих действий: «возвещать, обратиться к Богу, омываться, признаваться в грехах». Разорвать связь с традицией – значит передать смысл, так решила Кузнецова.

В ее переводе появилось немало резких выражений и даже грубых слов (брюхо, проститутка и т.д.). «Когда знакомишься с подобными текстами, по временам возникает ощущение, будто ты не Священное Писание читаешь, а присутствуешь при перебранке на кухне коммунальной квартиры» – так отозвался о переводах Кузнецовой в 1998 г. иеромонах (ныне митрополит) Илларион Алфеев. Критику вызывает даже название перевода: действительно, по-русски было бы естественнее сказать если не «благая», то хотя бы «добрая весть». И вместе с тем нельзя не признать, что перевод звучит куда яснее и ярче Синодального, он действительно понятен.

«Радостная весть» в отредактированном виде стала новозаветной частью перевода Российского библейского общества, впервые увидевшего свет в 2011 г. (новая редакция

вышла в 2015 г.). А его ветхозаветная часть готовилась целым коллективом под руководством М.Г. Селезнева, причем по иным принципам – здесь переводчики ориентировались на передачу не только смысла, но и художественности, и это им в целом удалось. А дальше началась еще одна очень российская история… Создатели перевода не слишком-то хотели видеть его под одной обложкой с «Радостной вестью», имея в виду создание совершенно иного Нового Завета. В результате мощной аппаратной борьбы в РБО сменилась большая часть правления и его председатель, ушел со своего поста главный редактор Селезнев, но книга была издана под одной обложкой, как и настаивал исполнительный директор А.А. Руденко. Именно это издание сейчас широко продается и рекламируется.

Но швы между двумя частями по-прежнему заметны. Например, многих читателей кузнецовских переводов смущало слово «дурак». В новом издании это слово встречается в Новом Завете несколько раз: «не принимайте меня за дурака! А если принимаете, то дайте мне еще побыть дураком и чуть-чуть побахвалиться!» (2 Коринфянам 11:16). Зато в Ветхом его нет ни разу: «Глупец не знает, невежда не понимает их» (Псалтирь 91:7); «Мудрый страшится и чурается зла, зато глупец буянит, ничего не боится» (Притчи 14:16).

Я упоминал М.П. Кулакова, который при Сталине отсидел пять лет за религиозную проповедь (и следователь прямо в кабинете рвал и топтал его личный экземпляр Синодального перевода), а потом, в более вегетарианские времена, стал руководителем адвентистской церкви в СССР, сначала неформальным, а затем и вполне официальным. Но в начале девяностых ушел с этого поста, чтобы целиком и полностью посвятить себя… подготовке нового перевода Библии на русский язык. В 2000-м г. вышло первое издание «Нового Завета в современном русском переводе», затем к нему добавился целый ряд ветхозаветных книг. Сам Михаил Петрович ушел в 2010 г. из жизни. Новый Завет под его редакцией был опубликован за десять лет до того, полная Библия вышла в 2015 г. – работу продолжил его сын, Михаил Михайлович (мне тоже довелось поработать в этом проекте переводчиком пророческих книг Ветхого Завета).

В 2015 году «Заокская Библия» (неофициальное название) вышла из печати целиком. Перевод вполне консервативен (иной раз доходит до стилистической манерности), но при этом вполне ясен. Есть одна особенность: лишь в этом переводе из всех современных курсивом выделены слова, добавленные «для связности и ясности», как это делали в XIX веке.

Еще одна разновидность смысловых переводов – миссионерские переводы для мусульман. В их основе лежит та идея, что читателей-мусульман не надо сразу отпугивать книгой, которая выглядит как христианская. В 2003 г. в «издательстве Стамбул» вышла книга в зеленой обложке с золотыми восточными узорами под названием «Священное Писание. Смысловой перевод Таурата, Книги Пророков, Забура и Инджила». Как нетрудно убедиться, это Библия на русском языке, в которой арабизированы все имена (Иисус Христос, например, там зовется Иса Масих), к тексту даны примечания миссионерского характера. Этот перевод предназначен для протестантской миссии среди мусульман Средней Азии. Вот как обращается к галатам апостол Павел в этом переводе: «Глупые галаты! Кто вас сглазил, вас, которым ясно было представлено значение жертвенной смерти Исы Масиха? Ответьте мне на один вопрос: вы получили Духа благодаря соблюдению законов Таурата или же по вере в Радостную Весть, которую вы услышали?»

Но не могли в России не появиться и другие переводы, которые соответствовали бы именно нашей традиции переводов литературных, призванных передавать не только смысл оригинала, но и его красоту и глубину, насколько это вообще возможно.

Только люди нашего племени – они не только самоучки, они обычно еще и одиночки. Когда в 1997-м г. в С-Петербурге был издан сборник из четырех книг Нового Завета (от Марка, от Иоанна, Римлянам, Откровение), подготовленный, помимо С.С.

Аверинцева, тремя другими переводчиками (они пожелали остаться инкогнито), то оказалось, что они основаны на разных базовых текстах: критическом и традиционном – и следуют разным переводческим принципам. В результате не получилось у них ни команды для полного перевода Нового Завета, ни четырех разных Новых Заветов.

Еще один полный перевод Библии, который стремится к литературности, был издан в 2009 году Международным библейским обществом. Для Нового Завета взяли один из «смысловых» переводов девяностых, «Слово Жизни», отредактировали его, избавив от радикальности, и добавили самостоятельный перевод Ветхого Завета. Работала над переводом группа людей, но имена их не указаны, а труд их практически неизвестен и нигде не распространяется. Как же всё это по-русски…

Если говорить о западных примерах, то можно было бы ожидать еще одного направления работы – ревизии традиционного текста, т.е. Синодального перевода, с целью исправить его ошибки и осовременить. Но этого никак не произошло. Единственная работа такого рода – перевод, выполненный за рубежом под редакцией епископа Кассиана Безобразова в 1953-м г. Он был издан Британским библейским обществом только в 1970-м г., стилистически он весьма близок к Синодальному, но выполнен с современных (на тот момент) критических изданий новозаветного текста.

На самом деле, за такую ревизию могла бы взяться та организация, которая и выпустила Синодальный перевод – православная церковь. Она, однако, сейчас занимается другим. Работа с библейским текстом остается в основном частным делом – чем-то вроде экстравагантного хобби.

А теперь подробнее поговорим о том, как это делается.

9. Перевести непереводимое

Мой опыт работы над русским переводом Библии начался с ветхозаветной книги Притчей, автором которой (или ее большей части) традиционно считается царь Соломон. Это был перевод для Российского библейского общества, и сначала его поручили двум другим переводчикам, Е.Б. Смагиной и Е.Б. Рашковскому, которые просто поделили текст между собой и сделали… два хороших, но очень разных перевода двух частей этой книги. Чтобы выровнять их между собой, можно было только попросить одного из переводчиков дописать вторую половину – но это, разумеется, обидело бы другого. Так что решили позвать третьего человека, меня, и попросить его создать нечто среднее… а точнее, третье, основанное на двух черновиках. Так и был издан этот перевод за авторством троих человек, потом он был включен в полное издание РБО. Некоторыми примерами (а лучше сказать, загадками) из этого перевода и хочу теперь поделиться.

Книга Притчей, строго говоря – сборник пословиц и поговорок. Пословицы на чужом языке не просто бывает понять, слишком они краткие, слишком большую роль играет в их понимании общность культурного знания. Невозможно объяснить, что такое «любишь кататься – люби и саночки возить» человеку, который никогда не мчался на санках с заснеженной горки. То есть объяснить-то можно, но пока будешь объяснять, он успеет соскучиться.

Когда мы имеем дело с пословицами древнего народа, мы часто даже не догадываемся, что у них там за саночки были, а если догадываемся – не всегда находим эквивалент в нашей собственной культуре. Приходится или объяснять, или домысливать, и эти домыслы, как водится, говорят о переводчике не меньше, чем об оригинале.

Вот, например, 12:9, в оригинале, если перевести буквально, сказано: «лучше пренебрегаемый и слуга для него/себя, чем славящийся и недостаток хлеба». Общий смысл понятен: нечего кичиться своей славой и знатностью, если тебе хлеба не хватает. Но с кем сравнивается такой голодный аристократ? С человеком простым, презираемым, у которого есть слуга… или который сам себе слуга? Еврейский текст допускает то и другое толкование. И церковнославянский, и Синодальный перевод понимают этот стих во втором смысле: «муж в безчестии работаяй себе», «простой, но работающий на себя». Но не вписывается ли таким образом в текст христианская аскетика, в Ветхом Завете еще не очень известная? Конечно, образцовому монаху надлежит быть в пренебрежении у братии и при этом заниматься ручным трудом, никаких слуг ему не положено.

А вот на древнем Ближнем Востоке все-таки было не так. Представляя себе какого-нибудь мелкого торговца того времени, так и видишь, как он довольно оглаживает бороду: ничего, что не знатен, зато на стол мне раб подает, не то, что вон тот обедневший потомок знатного рода, ему не то что раба, себя нечем прокормить… Так что мы перевели: «Лучше в простоте, да со слугой, чем со спесью, да без крошки хлеба». Но при окончательном редактировании текста (редактором был Л.В. Маневич) все же было решено вернуться к традиционному аскетическому пониманию этого места, и в напечатанном переводе полной Библии мы читаем: «Лучше в простоте и быть самому себе слугой, чем со спесью, да без крошки хлеба». Кстати, правка сразу стала заметна, она разбила наш энергичный «пословичный» стиль и даже синтаксис оригинала. Тогда бы уж лучше сказать «в простоте, сам себе слуга».

Зато наш вариант поддержан среднеазиатским переводом для мусульман: «Лучше быть в унижении, но иметь возможность нанять слугу, чем притворяться знатным, не имея и куска лепешки». Только и тут вышло осовременивание: речь идет все же не о слуге-наемнике, а о рабе, да и знатными в те времена не притворялись, а просто были. Что же до лепешки – местный среднеазиатский колорит, вполне созвучный и жизни на Ближнем Востоке.

А вот еще одно изречение из области экономических отношений (22:16), в оригинале оно звучит так же непонятно: «притесняющий бедного для прибыли ему/себе, дающий для богатого только для разорения». Понятно, что бедных притеснять нехорошо. А как с этим связано наделение богатого еще большим богатством? И причем тут разорение? Церковнославянский перевод понимает всё в житейском плане: «Обидяй убогаго многая себе зла творит, дает же богатому во оскудение себе». Ну, понятно: давать богатому – только самому разорятся, и в этом с церковнославянским согласен Синодальный. Но он связывает первую половину со второй: «Кто обижает бедного, чтобы умножить свое богатство, и кто дает богатому, тот обеднеет». Так поняли этот стих и мы: «Что угнетать бедняка для корысти, что богачу давать – лишь убыток». В результате речь идет не просто о том, что бедняка обижать нехорошо, но и о том, что оба таких действия, в конечном счете, ведут к разорению: отнимать у голодного и пичкать сытого (как это, кстати, актуально!).

Но самая известная тема книги Притчей, конечно – воспитание детей. Всем, даже тем, кто не раскрывал Библии, известно, что царь Соломон велел их обязательно пороть розгами. Вроде как велел… но что именно он сказал? Чаще всего цитируют стих 12:25, в церковнославянском варианте: «Иже щадит жезл свой, ненавидит сына своего: любяй же наказует прилежно». Примерно так поступил и Синодальный перевод: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его». Да и мы постарались сказать примерно то же самое, только несколько более афористично: «Кому жалко розгу, не жалко сына, а кто любит сына, не забудет вразумить». Современный перевод 1993 года забывает про розги, но уточняет другие педагогические моменты: «Родители, искренне любящие своего ребенка, не воздерживаются от наказания его, любящие родители тут же наказывают его». То есть наказание должно следовать немедленно.

А что сказано в оригинале? Почти то и сказано… почти. Буквально: «берегущий жезл свой ненавидящий сына своего и любящий его стремление его наставление». Во-первых, никакого «детства», как в Синодальном, тут нет. Вообще вся книга Притчей – наставления отца сыну, только взрослому юноше или старшему подростку, ведь в ней говорится о выборе жены, об опасностях, которые подстерегают юношу у распутной женщины и т.д. Совсем не детские сюжеты.

Далее, насчет розог. В оригинале стоит слово שֵׁבֶט (*шевет*), которое в церковнославянском верно переведено как «жезл». Так может называться любая палка, но чаще всего мы встречаем его именно как жезл, символ власти и авторитета. Например, в псалмах: «Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня» (22:4); «Престол Твой, Боже, вовек; жезл правоты – жезл царства Твоего» (44:7). Тут жезл – символ высшей власти Бога над верующим, его непререкаемого авторитета… и примерно таким же в идеале Библия видит авторитет отца по отношению к своим детям. Да, в те времена этот авторитет реализовывался в том числе и через телесные наказания, никто даже не спрашивал, допустимы ли они – в том обществе их не ставили под сомнение, как и многое иное (многоженство, к примеру, или рабство). А библейский стих говорит, по сути, о том, что отец, пренебрегающий должным воспитанием и наставлением своего сына, на самом деле его просто не любит. А что отцовский жезл в таких случаях иной раз и по спине пройдется, так это само собой, это как те самые саночки, в которых всякий катался, тут и уточнять ничего не надо было древним.

Та же тема присутствует и в стихе 19:18, в буквальном переводе с оригинала: «исправляй сына твоего, ибо есть надежда, и к умерщвлению его не стремись душой твоей». В общем, понятно, что делать (заниматься воспитанием) и чего не делать (стремиться к погибели). Но как одно связано с другим? Можно понять так, что пренебрежение воспитанием сына приведет его рано или поздно к погибели. А можно и попроще: усердствуя в воспитании при помощи жезла, смотри, не зашиби насмерть, как Иван Грозный. И что там насчет надежды? Видимо, заниматься воспитанием имеет смысл

лишь до определенного возраста, пока еще есть надежда, а потом уже будет поздно. Именно так и поняли этот стих мы, причем постарались сохранить двусмысленность оригинала в отношении «не погуби». Наш перевод звучит так: «Вразумляй сына, пока не поздно, смотри, не погуби его».

Но существует и иное прочтение насчет надежды: ты можешь на что-то надеяться в отношении своего сына только в том случае, если занимаешься его воспитанием. Современный перевод 1993 г. разъясняет это со всевозможными подробностями: «Учи сына своего и наказывай, если он неправ. Это единственная надежда. Если отказываешься делать это, помогаешь его разрушению».

На сей раз новые, неожиданные прочтения встретятся нам как раз в традиционных текстах. Церковнославянский: «Наказуй сына твоего, тако бо будет благонадежен: в досаждение же не вземлися душею твоею». С одной стороны, речь идет о воспитании благонадежного члена общества, но вот что значит «в досаждение не вземлися», понять труднее. Впрочем, на помощь приходит греческий текст, с которого и переводился церковнославянский, там мы читаем εἰς δὲ ὕβριν μὴ ἐπαίρου – здесь вводится важнейшее для греков понятие ὕβρις (*гюбрис* – непомерная гордость, надменность, превозношение, которые навлекают на человека гнев свыше). Дескать, воспитательные усилия не должны становиться поводом для собственной гордости – и современные психологи подробно прояснят, как это бывает, когда родители реализуют с помощью детей свои застарелые амбиции.

Почему же греческий текст здесь не совпадает с еврейским, с которого делались остальные переводы? Если говорить кратко, то тайна сия велика есть, они просто разнятся, и никто уже не может с уверенностью сказать, как выглядел самый первый текст книги Притчей и что точно говорил по этому поводу царь Соломон. Есть просто две текстуальных традиции, и переводчик неизбежно выбирает одну из них.

А самым оригинальным оказывается здесь Синодальный перевод: «Наказывай сына своего, доколе есть надежда, и не возмущайся криком его». Откуда взяли переводчики этот самый крик? Видимо, из собственной педагогической практики, но не из еврейского, греческого или славянского, это точно.

Впрочем, проблемы с переводом возникают и там, где смысл оригинала предельно ясен. Вот, например, 25:2, в буквальном переложении: «слава Бога скрывать дело, слава царей расследовать дело». Это яркий случай антиномического параллелизма, при котором два явления или понятия противопоставляются: Божья слава открывается в том, как таинственно и вместе с тем мудро устроено мироздание, а вот царская слава (как и слава самого Соломона) происходит от умения вывести тайное на свет. Да, но как сказать это кратко и емко?

Церковнославянский, следуя за греческим, просто потерял всякий параллелизм: «Слава Божия крыет слово, слава же царева почитает повеления его». Зато благочестиво: царь почитает повеления Божьи. Синодальный перевод верен еврейскому, но утрачивает динамизм оригинала и звучит несколько по-канцелярски: «Слава Божия – облекать тайною дело, а слава царей – исследовать дело». Нам, полагаю, удалось найти более удачный вариант: «Славен Бог, тайное сокрывший; славен царь, тайное понявший».

И, в заключение, еще одна наша находка. В 20:10 оригинал говорит: «камень и камень, ефа и ефа – отвращение Господа тоже оба они». Нет, это не знаменитая поговорка про то, как строился мавзолей Ленина («камень на камень, кирпич на кирпич»), тут говорится о двойных стандартах: у продавца есть гири (т.е. камни) разного веса, и точно так же и две разных ефы (мера сыпучих тел в 20 с небольшим литров). Одним стандартом, точным, он измеряет и взвешивает товар для себя, а другой, уменьшенный – для покупателя. Но как перевести это, чтобы было ясно: не оба камня вызывают у Господа отвращение, не обе меры, а сам подход нечестного торговца, будь то взвешивание или продажа по объему (например, зерна)? Церковнославянский перевод потерял эту мысль: «Вес велик и мал, и мера сугуба, нечиста пред Господем обоя». Что же плохого в том,

чтобы пользоваться большими и маленькими гирями одновременно? Иначе товар и не взвесить. Синодальный перевод не намного яснее, хотя уже можно догадаться: «Неодинаковые весы, неодинаковая мера, то и другое – мерзость пред Господом». Перевод для мусульман еще яснее: «Неверные весы и неверные гири – то и другое мерзко для Вечного». Но этот перевод начисто утратил второй вид обмана, когда занижают не вес товара, а его объем.

Современный перевод 1993 г. всё разъясняет, но утрачивает при этом афористичность, а также и упоминание объема: «Господь ненавидит тех, кто обманывает других, пользуясь неверными весами». Нам, полагаю, удалось нарисовать портрет вороватого торговца, а вместе с тем сохранить эту игру слов, при которой повторяются слова в первой половине этого стиха: «Взвесил, да обвесил; отмерил, да обмерил – мерзость все это для Господа».

Впрочем, Притчи – сравнительно легкий материал. Даже если исказишь поговорку в переводе, этого, как правило, никто и не заметит. Но есть такие места, перевод которых влияет на понимание библейского богословия в целом, о которых ревностно спорят меж собой представители разных конфессий и школ. В особенности это касается Нового Завета.

10. Чему не надо противиться?

Всем наверняка известно учение Льва Толстого о непротивлении злу – оно основано на цитате из Нагорной проповеди (от Матфея 5:38-42). В пересказе самого Толстого она звучит так: «В прежнем законе сказано, что кто погубит душу, должен отдать душу за душу, око за око, зуб за зуб, руку за руку, вола за вола, раба за раба и еще многое другое. А я вам говорю: злом не борись со злом и не только не бери судом вола за вола, раба за раба, душу за душу, а вовсе не противься злу. Если кто хочет судом взять у тебя вола, дай ему другого; кто хочет высудить у тебя кафтан, отдай и рубаху; кто выбьет у тебя из одной скулы зуб, подставь ему другую скулу. Заставят тебя сработать, из себя одну работу, сработай две. Берут у тебя имение, – отдавай. Не отдают тебе деньги, – не проси».

Это уже целая развернутая программа действий, в Синодальном переводе всё намного короче: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся». Прямо скажем, Толстой немало тут домыслил от себя… Но что все-таки было в оригинале?

Ключевое выражение тут «не противься злому» в Синодальной версии и «вовсе не противься злу» у Толстого. Смысл разный: одно дело злой человек как личность, а другое – зло как действие или даже как общая нравственная категория. Что в оригинале? Там форма дательного падежа (как и в русском): τῷ πονηρῷ. Проблема в том, что в дательном совпадают мужской и средний род греческих прилагательных. Если это мужской, то речь идет о человеке (злой), а если средний – то о явлении или понятии (зло). Можно понять и так, и так.

Ближайший контекст, пожалуй, подсказывает, что речь идет все-таки о человеке, который бьет по щекам или отнимает одежду. Но стоит посмотреть и на глагол «противиться», по-гречески ἀντιστῆναι – буквально это «противостоять», часто так говорят о войне или о суде (кстати, о суде говорится чуть выше, в стихах 25-26 той же главы: лучше бы ни с кем не судиться, а то не известно, выйдешь ли сам оправданным). Вот, собственно, откуда Толстой взял про суд.

В Новом Завете этот глагол встречается еще несколько раз, в основном в значении активного противодействия: «А Елима волхв … противился им, стараясь отвратить проконсула от веры» (Деяния 13:8). То есть не просто возражал, но предпринимал контрмеры – и потерпел поражение. Интересную параллель можно найти в Римлянам 13:2, где этот глагол использован целых три раза: «Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение». Что же, надо безропотно исполнять любые повеления властей? А если они расходятся с ясно выраженной в заповедях волей Божьей? Что же тогда христианские мученики отказывались принести жертву идолам по первому требованию законных властей? Но не противостоять еще не значит соглашаться. Мученики отказались выполнять требования своих правителей, но они не поднимали восстаний, не устраивали дворцовых переворотов. Иными словами, они не старались победить дракона, чтобы самому стать драконом. К сожалению, в истории Церкви далеко не всегда выходило именно так.

В Послании Иакова 4:7 мы находим выражение с тем же самым глаголом, которое как будто противоречат евангельской заповеди: «Итак покоритесь Богу; противостаньте диаволу, и убежит от вас». Но сходство мнимое: да, диавол есть самое высшее проявление зла, так что злу противостоять можно и нужно – а вот бороться со злом методами зла, как указывал и Толстой, для христианина недопустимо.

Другое дело, что Толстой пошел намного дальше и в результате стал отрицать вообще всякую возможность самозащиты. Он умер на самой заре века революций и концлагерей и не успел увидеть, к чему приводит предложенная им тактика умиротворения агрессора… Но мы-то это знаем хорошо, так что сегодняшние переводы спорят с Толстым, стараются заведомо исключить его понимание. «Современный перевод» 1993 года: «не сопротивляйтесь дурному человеку»; перевод Российского библейского общества: «не мсти тому, кто причинил тебе зло». Только и это, конечно, суженное толкование, особенно во втором варианте. Только мстить нельзя? А превентивные удары наносить? А, скажем, восстанавливать конституционный порядок или насаждать демократию – эти действия мы ведь не называем местью?

Вообще, бытовая, повседневная религиозность обычно бывает зациклена на зле во всех его проявлениях: нечистая сила, грехи и пороки занимают в ней главное место, а задача верующего понимается как противостояние вселенскому злу с помощью особых правил и ритуалов. Так это может выглядеть абсолютно во всех традициях – а евангельский взгляд предлагает радикальный отказ от всего этого. Не бороться со злом и не покоряться ему, а заняться чем-то более важным и осмысленным – выстраивать свои отношения с Богом, например. Даже если за это бьют.

Евангельские цитаты неудобны, они выглядят экстремистскими, по ним никак не хочется жить – а значит, надо их как-то разъяснить, перетолковать, желательно, в переносном смысле. Один из самых плодовитых и известных экзегетов древности, Ориген, читая эти слова Нагорной проповеди, тоже никак не мог принять призыв подставлять при ударе по правой щеке левую. Он решил, что это надо понять иносказательно, ссылаясь на то, что бьют-то обычно правой рукой, и стало быть, по левой щеке. Другое популярное объяснение – что речь идет не просто об ударе, а об ударе символическом, внешней стороной ладони, потому он и приходится не по той щеке. Дескать, речь идет о ситуации, когда не просто бьют, а когда наносят оскорбление: надо его стерпеть и даже подставить «правильную» щеку.

В общем-то, понятно: когда дают по физиономии, хочется или сдачи дать, или убежать. А подставляться и дальше – стрёмно как-то даже с точки зрения естественного отбора. Ведь не может же Евангелие противоречить его принципам? Да вот похоже, что может… И слова «правая» и «левая» здесь не указывают на две конкретных стороны, а просто идут в привычном порядке: «день и ночь, небо и земля, муж и жена, право и лево» (а не «ночь и день, лево и право»).

Допустим даже, про пощечину – это иносказательно. А как про рубашку, которую надо отдавать? Как про поприще, которое надо пройти? Как про просящего (к нам ведь постоянно обращаются с просьбами)? Евангелие реалистично – оно требует от человека невозможного. Давай каждому просящему всё, что попросит – через пару недель останешься голым.

Пример еще одной такой парадоксальной фразы – «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (от Матфея 19:24). Уж как только не объясняли это место! Еще от Кирилла Александрийского идет объяснение: вместо κάμηλος «верблюд» в тексте стояло κάμιλος – очень редкое слово, означающее «канат». Канат в качестве нитки – все-таки понятнее верблюда.

Ну и, разумеется, есть теория, что верблюд все-таки может протиснуться сквозь это самое ушко, если, конечно, очень постарается и сбросит лишний вес. Предполагалось, что «игольным ушком» называлась небольшая калитка в стене Иерусалима, через которую груженый верблюд действительно не пройдет, а тощий, да еще и налегке – может попытаться.

Только, к сожалению, не упомянута калитка с таким названием ни в каких древних источниках – а современные раскопки не могут нам подсказать, как называлось то или иное отверстие в стене, да большинство из них не сохранилось до наших дней. Так что получается, что теория с калиткой – скорее поздняя выдумка, чем реальное объяснение.

Кстати, и в вавилонском Талмуде говорится о пролезающем в игольное ушко слоне как о примере невозможного (Брахот 55b). Будем доказывать, что и слоны сквозь ту калитку пролезали, только низенько-низенько?

Главное, что такие объяснения отбрасывают как ненужный следующий далее диалог: «Услышав это, ученики Его весьма изумились и сказали: так кто же может спастись? А Иисус, воззрев, сказал им: человекам это невозможно, Богу же всё возможно». То есть не спасется вообще никто – если своими усилиями. А Бог может спасти каждого.

Но это Евангелие, действительно экстремистская литература. В Посланиях мы встречаем куда более практичные и реалистичные советы, только и там не обходится без разнотолков. Вот, скажем, в 7-й главе 1-го послания к Коринфянам апостол Павел разбирает разные социальные роли, в которых может оказаться христианин. И в стихе 21-м речь заходит о рабстве. Процитирую четыре перевода.

Церковнославянский: «Раб ли призван был еси? да не печалишися; но аще и можеши свободен быти, больше поработи себе».

Синодальный: «Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся».

Под редакцией епископа Кассиана (Безобразова): «Рабом ли ты призван, – не беспокойся, но если и можешь сделаться свободным, лучше воспользуйся».

Под редакцией М.П. Кулакова: «Был ли ты рабом, когда призвал тебя Бог? Пусть это тебя не тревожит. Если же представится возможность стать свободным, воспользуйся этим наилучшим образом», и другой вариант перевода дан в примечании: «лучше используй свое нынешнее положение».

Так что конкретно советует Павел рабам, которым выпала возможность освободиться: еще больше себя поработить ради смирения (так в церковнославянском) или воспользоваться этой замечательной возможностью (так у Кассиана)? А может быть, как в Синодальном, он предлагает им самим выбирать, как будет лучше?

По-гречески там два слова, μᾶλλον χρῆσαι, их, к сожалению, можно перевести всеми тремя способами: «лучше воспользуйся», «лучшим воспользуйся» или даже «больше поработись». И никаких пояснений, прямо в духе Дельфийского оракула, где людям нарочно давали уклончивые указания.

А ведь это в каком-то смысле вопрос о социальной политике церкви: должен ли христианин стремиться к личной свободе, или, напротив, она только помешает его духовному совершенствованию?

В древности об этой загадочной фразе практически не рассуждали, но всем это и так казалось понятным. Игнатий Антиохийский писал, хоть и без ссылок на Павла: «пусть рабы еще больше подчиняют самих себя, ради славы Господа, с тем, чтобы обрести от Бога лучшую свободу». В результате именно такое толкование многие современные православные богословы (например, диакон Андрей Кураев) отстаивают как единственно православное. «Молчи, смиряйся и таи…»

Но с этим легко было согласиться в те времена, когда рабство было привычным социальным институтом, одной из пресловутых «традиционных ценностей». А вот в наши дни уже мало кто готов с этим согласиться – и потому множатся переводы, в которых апостол Павел призывает рабов освобождаться мирным и ненасильственным путем, если это возможно.

И похоже, что такой перевод имеет больше прав на существование, если исходить из оригинала. Дело, прежде всего, в союзе «но», который подразумевает контраст: «не смущайся, но, если можешь…» – тут логичнее добавить «освободись». Да и форма глагола подразумевает скорее однократное действие: воспользоваться возможностью освобождения можно только один раз, а вот «еще больше порабощать себя» или «пользоваться нынешним положением к лучшему» явно придется изо дня в день, всю оставшуюся жизнь.

Что же тогда получается? Павел написал нечто не очень понятное, но, скорее всего, он советовал рабам не пренебрегать возможностью обрести свободу, если она представится (в любом случае, он не призывал к восстаниям наподобие спартаковского). В конце концов, до нас дошло его послание к Филимону, где он откровенно просит и даже требует от Филимона принять назад беглого раба Онисима, а потом… отослать его обратно к Павлу, потому что Павлу он нужен. То есть фактически простить беглеца и даровать ему на законных основаниях ту самую свободу, которую он хотел присвоить себе незаконно.

Но прошло некоторое время, церковь стала вписываться в социальную структуру общества, притом общества рабовладельческого – и для этой эпохи актуальным и значимым стало совсем иное толкование: оставайся тем, кто ты есть, даже если есть возможность подняться по социальной лестнице, все равно в глазах Бога все люди и так равны. Именно это толкование было нормативным вплоть до недавнего времени – в частности, Феофан Затворник, уже знакомый с альтернативой, сурово возражает ей: «такая мысль была бы совершенно противна намерению Павла; утешая раба и доказывая ему, что рабство не причиняет никакого вреда, он не стал бы повелевать ему искать свободы». Впрочем, не повелевает, а делает уступку (как в той же главе позволяет вступать в брак, хотя считает безбрачную жизнь лучшей).

А в наши дни актуальным становится иное толкование, открывающее перед человеком возможность личной свободы – и, вполне вероятно, именно оно приближает нас к изначальной мысли Павла, хоть и на ином витке спирали, в иных исторических условиях. Павел писал так, потому что рабство было данностью – мы читаем так, потому что считаем его преступлением против человечества.

Истолкование текста, как водится, говорит о толкователе не меньше, чем о самом тексте. Как и история переводов и толкования Библии в нашей стране говорит об этой стране не меньше, чем о Библии – и история эта еще очень, очень далека от своего завершения…